

Хитрук Екатерина Борисовна

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ "ЖЕНСКОЕ" В ФИЛОСОФИИ ФОМЫ АКВИНСКОГО

В статье рассматривается проблема осмысления категории "женское" в средневековой культуре и философии. На примере философской позиции Фомы Аквинского обосновывается сущностная амбивалентность концептуализации "женского" в средневековой мысли. С одной стороны, женщина предстает как существо, созданное по образу и подобию Божию, достойное спасения и вечной жизни. С другой же стороны, "женское" воспринимается как второстепенное по природе, ассоциируется с чувственностью и телесностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/60.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 205-207. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141.31

Философские науки

В статье рассматривается проблема осмысления категории «женское» в средневековой культуре и философии. На примере философской позиции Фомы Аквинского обосновывается сущностная амбивалентность концептуализации «женского» в средневековой мысли. С одной стороны, женщина предстает как существо, созданное по образу и подобию Божию, достойное спасения и вечной жизни. С другой же стороны, «женское» воспринимается как второстепенное по природе, ассоциируется с чувственностью и телесностью.

Ключевые слова и фразы: «женское»; женщина; Средневековье; средневековая философия; Аквинат.

Хитрук Екатерина Борисовна, к. филос. н.

Национальный исследовательский Томский государственный университет

lubomudr@vtomske.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «ЖЕНСКОЕ» В ФИЛОСОФИИ ФОМЫ АКВИНСКОГО

Средневековье традиционно считают эпохой безусловного приоритета христианских ценностей в повседневной жизни, культуре и философии. Однако данное убеждение является в высшей степени спорным, поскольку основная «ткань» философствования – тематика, методология, фундаментальные дуалистические установки в построении онтологии и антропологии – заимствуется средневековой мыслью из античной классики. Философский язык Платона и Аристотеля становится основанием «средневекового мирозерцания». Невозможно приступить к осмыслению категорий «мужское» и «женское» в средневековой философии, не отдавая себе отчет о серьезнейшей преемственности между опытом античной классики с ее бинарным подходом к осмыслению мира и человека и особенностями средневекового философствования.

В этом дуалистическом контексте мужское традиционно концептуализируется как возвышенное, разумное, духовное, стремящееся к совершенству, а женское – как алогичное, чувственное, плотское и опасное. Греховность чувственного оказывается причиной греховности женского как такового. В трудах средневековых мыслителей естественность этих смыслов ставилась под сомнение чрезвычайно редко, и чаще всего они воспринимались как очевидная и наглядная «природная» данность [2, с. 396]. Достоинство и добродетель отдельных женщин невозможно было совсем отрицать. Однако эти атрибуты мыслились скорее как плод исключительного воздействия Божественной благодати, нисколько не отменяющей природную второстепенность и ущербность женского пола.

Особое внимание средневековые мыслители уделяли христианской мариологии, связанной с признанием исключительной роли Девы Марии в воплощении Иисуса Христа, а следовательно, в деле спасения мира. Именно личные качества Марии – смиренность и готовность следовать Божию призыву – являются залогом того, что замысел Бога о спасении человечества вообще может быть осуществлен. Если бы не ее исключительная во всех смыслах чистота, на земле могло бы не найтись достойного посредника для осуществления спасительного плана. Так, в своей работе «Женщина в истории западноевропейского Средневековья» Т. Б. Рябова отмечает принципиальную амбивалентность женского образа в раннехристианской литературе, где «женщина не только погубила человечество, но и спасла его, подарив жизнь Спасителю» [3, с. 9]. Зачастую данная дилемма решалась очень просто: достоинства Марии – плод Божественной благодати, в то время как поступок Евы – проявление типичных природных качеств женского пола, «поэтому, – продолжает Т. Б. Рябова, – образ Марии не смущал авторов женоненавистнических произведений, которые утверждали, что ничего общего у Мадонны с обычными женщинами нет и быть не может» [Там же, с. 10].

Таким образом, в средневековой культуре удивительным образом сочетались почитание Девы Марии и признание женщин существами второго сорта, подверженными влиянию чувственности, страсти к плотским наслаждениям, и, в сущности, главными подручными сатаны [1, с. 306-307]. Труды классиков средневековой философии оставались в общем культурном контексте своей эпохи. При всем женоненавистническом характере отдельных выражений, ставших крылатыми фразами, отношение к женщине все же более точно может быть охарактеризовано как амбивалентное.

Одна из главных концепций Средневековья, в которой столкнулись друг с другом христианские представления о равенстве мужчины и женщины и античные представления о естественной иерархии между полами, – философия знаменитого схоласта Фомы Аквинского (1225-1274 гг.). Любому исследователю философской системы Аквината очевидно то огромное влияние, методологическое и содержательное, которое оказала на рассуждения этого схоласта философия Аристотеля. Оно охватывает практически все аспекты теории Аквината. В не меньшей степени это касается и его социальной философии: форма и материя, душевное и телесное, мужское и женское воспроизводятся как незыблемые бинарные оппозиции, лежащие в основе понимания мира, человека и общества. И, конечно, мужское в этой концепции продолжает ассоциироваться с формальным, активным, разумным началом, в противоположность пассивному, материальному женскому. По этой причине человек, например, должен признавать своего отца более совершенным, чем свою мать, поскольку разум, активность и форму он не может получить от матери [3, с. 16]. Однако по этой же

причине мы не можем предъявлять женщинам ответственность за грехопадение: хотя Ева и согрешила первой, но, поскольку ее душа не равна мужской, она была только пассивным орудием дьявола [Там же]. Главное предназначение женщины – продолжение рода, что является единственной помощью мужчине, которая посильна этому слабому существу: «необходимо, чтобы была создана женщина, – пишет Аквинат в “Сумме теологии”, – по словам Писания, “помощник” человека; не в том смысле, конечно, помощник, как если бы она, как думают некоторые, была создана для оказания помощи мужчине в его [повседневных] трудах (ведь в таких делах лучшим помощником мужчине является другой мужчина), но как помощник в деле продолжения рода» [4, с. 267]. У растений и низших животных мужское и женское не имеют четкого разделения, потому что они не содержат деятельного или активного начала в себе и постоянное соединение с женским для мужского не является деструктивным. Чем совершеннее животное, тем в большей степени мужское и женское в его роде отделены друг от друга. Нет никакой необходимости мужскому постоянно быть в соединении с женским, если животное способно к высшей жизнедеятельности, где продолжение рода не является главным. Тем более это касается человека, который обладает разумом и призван вести интеллектуальную жизнь. В нем не только мужское и женское представлены в разных индивидах, но и женщину Бог творит отдельно от мужчины, позволяя им соединяться только в целях продолжения рода. Другими словами, чем более возвышенную жизнь способно вести то или иное существо, тем меньше оно нуждается в женском начале и тем реже ему необходимо совоплощение с ним. «С точки зрения своей индивидуальной природы, – продолжает Аквинат, – женщина несовершенна и неудачна; в самом деле, активная сила мужского семени направлена на воспроизводство совершенного подобия в мужском роде, и потому, если рождается женщина, то это связано либо с каким-то изъяном в активной силе или в материи, либо даже с влиянием чего-то извне, вроде того влажного южного ветра, о котором упоминает Философ. С другой стороны, в том, что касается человеческой природы в целом, о женщине нельзя говорить как о неудачной, поскольку она является частью природной интенции, направленной на порождение. Но именно общая интенция природы [первичным образом] обуславливается Богом, Творцом всех природ. Поэтому при создании природы Бог сотворил не только мужчину, но и женщину» [Там же, с. 267-268]. Таким образом, Фома умело лавирует между признанием за женщиной необходимого онтологического статуса (поскольку мужской род в принципе должен как-то продолжаться) и сохранением фундаментального принципа философии Аристотеля в отношении к женщине: женщина – начало материальное, поэтому ее положение должно быть подчиненным. Как отмечает Т. Б. Рябова, «в “Сумме теологии” Фома заявляет, что мужчина – начало и конец женщины, как Бог начало и конец всякого творения <...> Женщина подчинена мужчине, поскольку она уступает ему физически, нравственно, а также слабее его в суждениях» [3, с. 16].

При всей однозначности приведенных суждений исследователь должен воздержаться от обвинения Аквината в мизогинии. Таким же образом, как и у Аристотеля, в философии Фомы Аквинского рассуждения о материальности, пассивности, а следовательно, в целом онтологической неудачности женского пола мирно уживаются с рассуждениями о важной роли женщины на социальном уровне. Если рассуждения Фомы Аквинского разворачиваются в области физиологии, то общая их логика обосновывает необходимость разделения мужского и женского у людей и редкое совоплощение между ними для деторождения (как было показано выше). Однако там, где речь заходит о тех аспектах жизни, которые выходят за рамки физиологии, Аквинат менее резок в оценках. Так, например, рассуждая о том, зачем Бог творит жену из мужа (очевидно, здесь невозможно было обращение к сочинениям Аристотеля), Аквинат обосновывает это «изведение» жены следующим образом: «зная о том, что она была создана из него, тот [первый] мужчина еще сильнее полюбил женщину и еще теснее прилепился к ней. Поэтому [в Писании] далее сказано: “Она взята от мужа своего, и потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей” (Быт. 1:23, 24). Это было очень важно для всего человеческого рода, поскольку у людей, в отличие от других животных, мужчина и женщина живут вместе всю жизнь» [4, с. 269]. Более того, женщина создается из ребра мужчины для того, чтобы быть *равной* ему, оставаясь в подчиненном положении, но все же быть *одним и тем же* по существу человеческим созданием. «Несомненно, – пишет Фома, – что женщине надлежало быть созданной из ребра мужчины [и вот почему]. Во-первых, чтобы этим обозначить социальный статус союза мужчины и женщины, поскольку женщина не должна ни “господствовать над мужем”, в противном случае она была бы создана из его головы, ни быть рабским образом подчиненной мужу, в противном случае она была бы создана из его пята» [Там же, с. 271]. Этими словами Аквинат открывает путь к совершенно иной, в итоге неоднозначной трактовке половых различий, в рамках которой женщина не может больше пониматься как «недочеловек», но, напротив, должна восприниматься как друг и соратник, достойный любви длиною в целую жизнь. Эта вторая сторона «медали» не разбирается Аквинатом подробно, однако при этом не может и игнорироваться исследователями, которые очень часто не желают мириться со сложностью и парадоксальностью материала, упрощая и тем самым искажая его.

Подводя итог исследованию концептуализации пола в философии Фомы Аквинского, необходимо еще раз обозначить и подчеркнуть тот факт, что, пожалуй, самый адекватный термин для описания особенностей этой концептуализации, обозначающий всю сложность и неоднозначность средневекового подхода к пониманию соотношения полов, – амбивалентность. Признание за отдельными женщинами исключительных добродетелей, важности их участия в церковной и семейной жизни в качестве сестер во Христе, уважаемых матерей и любимых жен неизменно сосуществует в средневековых текстах с утверждением втростепенного онтологического статуса и безусловного подчиненного положения женщин.

Список источников

1. Делюмо Жан. Ужасы на Западе / пер. с фр. Н. Епифанцевой. М.: Голос, 1994. 416 с.
2. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. I. С. 390-426.
3. Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново: Издательский центр «Юнона», 1999. 212 с.
4. Фома Аквинский. Сумма теологии. К.: Эльга; Ника-Центр, 2005. Ч. I. Вопросы 75-119. 577 с.

**AMBIVALENCE OF CONCEPTUALIZATION OF THE CATEGORY “FEMALE”
IN SAINT THOMAS AQUINAS’S PHILOSOPHY**

Khitruc Ekaterina Borisovna, Ph. D. in Philosophy
National Research Tomsk State University
lubomudr@yotomske.ru

The article deals with the problem of considering the category “female” in medieval culture and philosophy. By the example of Thomas Aquinas’s philosophical position essential ambivalence of conceptualization of the “female” in medieval thought is substantiated. On the one hand, the woman appears as a human being created in image and likeness of the God, worthy of salvation and eternal life. On the other hand, the “female” is perceived as secondary in nature, associated with sensuality and corporality.

Key words and phrases: “female”; woman; The Middle Ages; medieval philosophy; Aquinas.

УДК 316.42; 304.9; 659.1

Философские науки

Статья с социально-философской позиции раскрывает скрытую от обыденного взгляда функцию рекламы по поддержанию и развитию современного общества (общества потребления). Поощряя среди участников общества индивидуализм и конкуренцию на основе потребления, реклама содействует всеобщей интеграции на базе единых и приоритетных для всех потребительских целей и ценностей. Этот механизм позволяет интерпретировать рекламу как неотъемлемую часть идеологии потребления, объединяющей в единое целое всё общество и позволяющей наличной социальной структуре находиться в состоянии саморегуляции и равновесия.

Ключевые слова и фразы: общество потребления; интеграция; дифференциация; социальный контроль; реклама.

Хренков Вадим Владимирович

Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола
vad042@yandex.ru

**ИНТЕГРИРУЮЩЕ-ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ФУНКЦИИ РЕКЛАМЫ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

При исследовании современной стадии социального развития – общества потребления – существенно важно проникать в суть механизма его функционирования и развития. Суть эта может быть раскрыта путём анализа такого атрибута, субстанционального основания современного общества, как реклама. На основании нашего анализа поставленной проблемы, базировавшегося на идеях некоторых значимых представителей современной социально-философской мысли [1-7], было выявлено, что реклама функционирует в структуре общества потребления как укрепляющий и развивающий его элемент и что поэтому её целесообразно понимать не просто как социальный институт, взятый сам по себе, но и как идеологическое орудие этого общества, применяемое с целью социального контроля (посредством атомизации индивидов, осуществляемой через популяризацию потребительства и низкоматериалистических, гедонистических и эгоцентрических устремлений). На современном этапе подчинение человека и управление им реализуется именно за счёт его использования как потребителя. Причём позиционирование себя в первую очередь и по преимуществу как потребителя для человека желанно и не представляется несвободой.

Интегрирующе-дифференцирующая функция рекламы проявляется в том, что она, как звено в процессе потребления, служит интеграции всего общества, но за счёт усиления внутри него конкуренции и дифференциации. Как установил Ж. Бодрийяр, реклама обеспечивает сходство между людьми посредством вовлечения в определённые, задаваемые модели потребления и в то же время разделяет людей между собой установлением различий по стилям потребления [1, с. 116-117, 211, 213-214]. Повелевая следовать одобряемым обществом коллективным принципам (это происходит всякий раз, когда индивид соглашается на достижение предложенного рекламой собственного идеального образца), она вовлекает в мир объектов потребления, являющийся миром псевдореальности, и тем самым отгораживает людей друг от друга [1, с. 116-117, 213-214; 2, с. 184, 194, 197-199, 210, 211-212]. Реклама, согласно Бодрийяру, не отражает действительность, а симулирует